

Анастасия Русских

**Лексико-семантические трансформации
существительных при переводе
художественного текста
с польского на русский и белорусский языки**

В статье анализируются лексико-семантические преобразования, которым подвергаются при переводе производные имена существительные, входящие в состав текста поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш».

Ключевые слова: производное существительное, переводческий коррелят, лексико-семантические трансформации.

Исследование актуализации значения слова при его переводе с польского на русский и белорусский языки позволяет сопоставить семантические возможности близкородственных славянских языков и обозначить новые грани актуальной для теории и практики перевода проблемы соотношения языковых единиц текста оригинала и текста перевода. Методы исследования включают: контекстуальный анализ; интерпретационный анализ; метод лингвистического описания; метод словарных дефиниций; сравнительно-сопоставительный метод исследования. В процессе интерпретации оригинального текста переводчики вынуждены обращаться к таким лексико-семантическим трансформам, как идеографические синонимы, контекстуальные синонимы, стилистические синонимы, гипонимы, гиперонимы, омонимы и транслитерированные формы. В исследовании затрагиваются не только общие и частные проблемы теории и практики перевода с польского языка на русский и белорусский, но и выявляются интралингвистические и экстралингвистические причины появления лексико-семантических трансформов в текстах переводов художественного произведения, а также осуществляется сравнительный анализ степени соответствия русских и белорусских переводческих коррелятов польским производным именам существительным в структурном и семантическом планах.

Выявление семантических и деривационных особенностей производных имён существительных, влияющих на вы-

бор переводческого коррелята, имеет большое значение для решения проблем межкультурной коммуникации, совершенствования практики перевода, расширения и углубления научных представлений о потенциальных и реальных возможностях изобразительных ресурсов близкородственных языков. Как известно, целью художественного перевода является адекватный перевод, при котором наиболее полно передаётся смысл текста посредством использования полных соответствий или удовлетворительных замен всех применяемых автором средств, однако точность по отношению к оригиналу должна сочетаться с естественностью по отношению к принимающему языку. В адекватном переводе всегда сочетаются две противоположные тенденции: стремление сохранить, выделить специфические особенности переводимого текста и необходимость адаптировать форму и содержание подлинника, сблизить её с принимающей языковой системой.

Цель данного исследования – выявление особенностей и основных закономерностей обращения переводчиков к лексико-семантическим трансформациям при переводе производных имён существительных, входящих в состав текста поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш». В качестве русского текста поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» анализируется перевод С. Мар (1949 г.), в качестве белорусского текста – перевод П. Бителя (1955 г.).

Вопрос о причинах возникновения лексико-семантических трансформаций затрагивается в работах Л.С. Бархударова, В.С. Виноградова, Л.К. Латышева, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, Е. Табаковской, А.В. Фёдорова¹ и др. Особый

---

¹ Л.С. Бархударов, *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*, Москва 1975, с. 174; В.С. Виноградов, *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*, Москва 2001, с. 39; Л.К. Латышев, *Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения*, Москва 1981, с. 121; В.Н. Комиссаров, *Теория перевода (лингвистические аспекты)*, Москва 1990, с. 171; Я.И. Рецкер, *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода*, Москва 1974, с. 11; Е. Tabakowska, *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*, Kraków 2001, s. 85; А.В. Фёдоров, *Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки*,

интерес представляет выявление специфики функционирования в текстах переводов оригинальных лексем с фоновой информацией, а также безэквивалентной лексики, поскольку для адекватной интерпретации произведения необходимо наличие у переводчика достаточной фоновой информации, в том числе знаний реалий культуры, к которой принадлежит интерпретируемое произведение. Поскольку различия в системах языка оригинала и языка перевода, а также специфика создания текстов на каждом из этих языков делают невозможным полное сохранение в переводе содержательного и языкового плана текста-оригинала, то переводчик должен стремиться к потенциально достижимой эквивалентности, которая заключается в максимальном сохранении элементов смысла текста оригинала при максимальном соблюдении норм языка перевода.

Виды лексико-семантических трансформаций

Лексико-семантические преобразования польских производных имён существительных фиксируются в двух случаях:

1) между оригинальными и переводными лексемами устанавливаются отношения ситуационной эквивалентности, при которой происходит замена переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы. Преобразования исходных единиц происходят на уровне семантики;

2) между оригинальными и переводными лексемами устанавливаются отношения формальной эквивалентности, которая заключается в подобии языковых форм при отсутствии семантического тождества между оригинальными и переводными лексемами.

1. Синонимический перевод

Межъязыковые синонимы фиксируются в том случае, когда разноязычные лексические единицы одного и того же языкового разряда (части речи), различающиеся по своей фонетической форме, парадигматике, синтаксическим связям, объёму лексических понятий и принадлежащие разным язы-

ковым системам, оказываются сходными, частично или полностью, в одном (или более) лексическом значении и, прежде всего, в своей предметно-логической соотнесённости.

Синонимы, используемые переводчиками при интерпретации польских производных имён существительных, классифицируются нами в зависимости от основы взаимозаменяемости оригинальной и переводной лексемы:

1) межъязыковые идеографические синонимы (в основе взаимозаменяемости лежит эквивалентность отдельных значений оригинального и переводного слова);

2) межъязыковые контекстуальные синонимы (в основе взаимозаменяемости лежит общность периферийных сем);

3) межъязыковые стилистические синонимы (в основе взаимозаменяемости лежит общность предметной отнесённости при различии эмоционально-экспрессивной окраски и сферы использования).

1.1. Межъязыковые идеографические синонимы

В качестве межъязыковых идеографических синонимов выступают слова сопоставляемых языков, обозначающие, как правило, одно и то же явление объективной действительности и представляющие собой лексемы с максимально близкими (либо совпадающими) семантическими структурами (польск. *niezgoda* (досл. рус. *раздор*, бел. *разлад*) – рус. *размолвка*, бел. *звада*; польск. *nieszczęście* (досл. рус. *несчастье*, бел. *няшчасце*) – рус. *беда*, бел. *бяда*; польск. *roztowa* (досл. рус. *разговор*, бел. *размова*) – рус. *беседа*, бел. *гаворка*). Появление межъязыковых синонимов неизбежно при переводе любого художественного текста, поскольку художественный перевод включает в себя творческую составляющую, в результате чего большое значение приобретает творческое моделирование переводчиком художественной информации и проявление художественной инициативы.

Необходимость сохранить размер и рифму текста-оригинала нередко вынуждает переводчиков заменять исходное слово межъязыковым идеографическим синонимом, поскольку словарные соответствия словам исходного языка в языке перевода чаще всего не рифмуются и могут иметь

совершенно иную слоговую и акцентную структуру. Например:

- польск.: *Znowu Dobrzyńscy z Litwą natarli w zawody
I pomimo dawniejsze dwóch stronnictw **niezgody**...*²
- рус.: *Добжинские опять с Литвой в согласье были,
Свои давнейшие **размолвки** позабыл³ и*
- бел.: *Зноў кінуліся ў бой дабжынцы і літвіны,
Забыўшыся пра **звады** для такой хвіліны⁴*

1.2. Межъязыковые контекстуальные синонимы

Перевод художественного текста сопровождается языковыми трансформациями, которые ведут к тому, что в отношении переводческой эквивалентности вступают слова, имеющие разную понятийную основу. Л.К. Латышев отмечает, что «в переводе даже два совершенно разных по денотативному значению словесных образования могут оказаться взаимозаменимыми»⁵. Взаимозаменяемость таких лексем обеспечивают семантические точки пересечения, находящиеся на периферии их значений. А нейтрализация различий между подобными эквивалентами происходит лишь в условиях их употребления в определённом контексте. Так, в нижеприведённом контексте семантику польского существительного *dziedzice* (досл. рус. *наследники*, бел. *нашчадкі*) и его текстовых эквивалентов рус. *род* и бел. *пакаленні* объединяют такие компоненты значения, как сема родства и преемственности, что и позволяет считать перевод адекватным:

- польск.: *... Jest wieść o jakimś krwawym lub zdradzieckim czynie
Po którym zemsta splywa na **dziedziców** w spadku⁶*
- рус.: *Идут из рода в **род** убийства роковые⁷*

---

² А. Міцкевіч, *Пан Тадэвуш, або Апошні наезд у Літве. Шляхецкая гісторыя з 1811 і 1812 гг. У дванаццаці кнігах вершам*, Минск 1998, с. 217.

³ Там же, с. 775.

⁴ Там же, с. 497.

⁵ Л.К. Латышев, *указ. соч.*, с. 121.

⁶ А. Міцкевіч, *указ. соч.*, с. 61.

⁷ Там же, с. 621.

бел.: *Пра здрады і забойствы знойдзеш звестак годзе,
А помста ў новыя зыходзіць **пакаленні**⁸*

Причиной появления контекстуальных синонимов в переводах может стать функционирование в тексте поэмы польской безэквивалентной лексики, семантика которой соотносится с обозначением специфических для определённой культуры реалий. Передача средствами принимающего языка лексических единиц, не имеющих в силу различия культур прямых соответствий в других языках, традиционно причисляется теоретиками и практиками перевода к одной из наиболее сложных задач, стоящих перед переводчиком художественного текста. Поэма «Пан Тадеуш» – произведение, отличающееся ярким национальным колоритом, насыщенное реалиями, характерными для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития польского народа. Такие специфические польские вежливые обращения, как *Waszmość*, *Waść*, *Waszeć*, которые представляют собой сложносокращённые существительные (*Waszmość* – *Wasza miłość*), употреблялись в Речи Посполитой в основном по отношению к представителям шляхты. В текстах переводов им может соответствовать местоимение *вы*, а также существительное *пан*, которое как раз и является контекстуальным синонимом по отношению к слову оригинала. Обращение к контекстуальным синонимам позволяет переводчикам уменьшить степень «экзотичности» текста и избежать лакун, вызванных отсутствием у носителей русского и белорусского языков необходимых культурологических знаний. Например:

польск.: *Nie dla **Waszeci** owoc, nic z tego nie będzie⁹*

рус.: *Нет овощей про **вас** на огороде этом¹⁰*

бел.: *Не лезь у шкоду, **пане**, бо на гэтым полі
Чужы ўраджай, тваім не быць яму ніколі¹¹*

польск.: *Ogórków chcesz **Waść**? krzyknął, oto masz ogórki¹²*

⁸ А. Міцкевіч, указ. соч., с. 342.

⁹ Там же, с. 63.

¹⁰ Там же, с. 623.

¹¹ Там же, с. 344.

рус.: *Пан хочет огурцов? Вот огурцы пред вами!*¹³
бел.: *Гуркоў вам хочацца? Их тутака багата!*¹⁴

Преобладание в белорусском тексте контекстуальных синонимов объясняется тем, что русскоязычный переводчик чаще останавливается на варианте создания собственной фразы, то есть использует синтаксические конструкции, которые вообще не подразумевают употребления той или иной польской лексемы, перевод которой вызывает определённые трудности. Например:

польск.: *Ale ja, z kniaziów! pytać u mnie o patenta,
Kiedym został szlachcicem? sam Bóg to pamięta!*¹⁵
рус.: *Но от князей ведут свой древний род Юраги,
И мне-то какво разыскивать бумагу?*¹⁶
бел.: *Але вось я! з князеў! Мяне Маскаль пытае,
Калі я вольным стаў? Бог толька гэта знае!*¹⁷

В русском тексте-переводе безэквивалентное по отношению к русскому языку существительное *szlachcic* опускается, в белорусском же тексте оно заменяется контекстуальным синонимом *вольны*. В результате в русском тексте-переводе наблюдается большее количество контекстуальных лакун, в то время как в белорусском преобладают контекстуальные синонимы.

Причиной появления в текстах переводов контекстуальных синонимов может также стать использование автором региональной лексики. По словам Г.А. Цыхуна, «язык Адама Мицкевича в период взлёта его творчества включал в себя как достижения «polszczyzny literackiej», так и богатый «dialekt kulturalny»¹⁸. Автор сознательно вводит

---

¹² Там же, с. 63.

¹³ Там же, с. 622.

¹⁴ Там же, с. 344.

¹⁵ Там же, с. 103.

¹⁶ Там же, с. 663.

¹⁷ Там же, с. 385.

¹⁸ Г. Цыхун, *Мова А. Міцкевіча ў рэгіянальным аспекце* [в кн.:] Н. Давыдзенка (ред.), *Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры*, Минск 1998, с. 324.

в текст поэмы регионализмы белорусского происхождения, не только желая подчеркнуть местный колорит, но и стремясь приблизиться к далёкой и столь любимой родине. Г.А. Цыхун относит к белорусизмам такие производные имена существительные, как *matecznik*, *chołodziec*, *młódź*¹⁹, Э. Смулкова – *mogilnik*²⁰ и др. На первый взгляд, при переводе подобных лексем на белорусский язык не должно было возникнуть проблем, в то время как русскому переводчику пришлось искать для них адекватное соответствие. Однако анализ переводов поэмы показывает, что белорусизмы подвергаются трансформациям как в русском, так и в белорусском текстах поэмы. Например, существительному *matecznik* в обоих переводах соответствуют контекстуальные синонимы:

польск.:	<i>Resztę wszyscy odgadli: że zwierz z matecznika Wyszedł, że w Zaniemeńską puszcze się przemyka</i> ²¹
рус.:	<i>Расспрашивать его охотники не стали, Что зверь из крепи был, и сами угадали</i> ²²
бел.:	<i>І рэшту адгадалі ўсе: што з чорнай гушчы Звер выйшаў і што краўся з Занямонскай пушчы</i> ²³

В данном случае причина обращения русского переводчика к контекстуальному синониму, вероятно, кроется в том, что русскому читателю данная белорусская лексема незнакома. При переводе текста поэмы на белорусский язык переводчик стремился актуализировать значение загадочности, непроходимости, недоступности, присущее семантике слова *матачнік*, поэтому в качестве коррелята использовал словосочетание *чорная гушча*.

1.3. Межъязыковые стилистические синонимы

В тех случаях, когда номинация одной и той же реалии

¹⁹ Там же, с. 324–327.

²⁰ Э. Смулкова, *Беларускія элементы ў творчасці Адама Міцкевіча* [в кн.:] Н. Давыдзенка (ред) *Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры*, Минск 1998, с. 319

²¹ А. Міцкевіч, указ. соч., с. 93.

²² Там же, с. 653.

²³ Там же, с. 375.

осуществляется лексическими средствами с близким семантическим содержанием, но разной экспрессивно-эмоциональной окраской и, соответственно, с разными сферами употребления, в тексте перевода фиксируются межъязыковые стилистические синонимы. По замечанию В.В. Виноградова, «в структуре художественного произведения – в зависимости от его идейного содержания, от сферы изображаемой действительности и творческого метода автора – могут сочетаться, сталкиваться и вступать во взаимодействие очень разнообразные стили литературного языка и народно-разговорной речи»²⁴. Задача переводчика – адекватно воспроизвести в рамках переводного текста используемые автором стилистически маркированные языковые единицы. Однако как в русском, так и в белорусском текстах встречаются ситуации, когда эмоционально окрашенные польские существительные, относящиеся к просторечной лексике, заменяются нейтральными лексемами, в результате чего происходит повышение их стилистического статуса и сглаживание той яркой отрицательной экспрессии, которой наделено польское слово. Интерпретация стилистически окрашенной лексики обычно вызывает дополнительные затруднения, поскольку поиски коррелята для лексемы оригинала усложняются наличием в ней, помимо денотативного, коннотативного стилистического значения. Так, польское разговорное существительное *pijatyka* имеет следующие словарные эквиваленты в языках переводов: рус. *пьянка, попойка*; бел. *папойка, выпіўка*. В обоих переводных текстах в качестве переводческого коррелята используются нейтральные лексемы: рус. *пьянство*, бел. *п'янства*:

польск.: *Dość już głupstwa zrobiłem, wdając się z Waćpaństwem
W **pijatyki**, które się kończą grubijaństwem*²⁵

рус.: *Довольно с вами здесь я предавался **пьянству**,
Которое ведёт к насилью и к **буянству***²⁶

²⁴ В.В. Виноградов, *О языке художественной литературы*, Москва 1959, с. 200.

²⁵ А. Міцкевіч, *указ. соч.*, с. 139.

²⁶ *Там же*, с. 748.

бел.: *Даволі глупства, што заняўся з вамі п'янствам,
Якое вось заканчваецца грубіянствам*²⁷

Встречаются в переводах и обратные стилистические замены, когда семантика польских производных имён существительных, относящихся к высокому книжному стилю, передаётся с помощью нейтральных лексем, а нейтральных – с помощью просторечных, то есть происходит снижение стилистического статуса лексем текста-оригинала. Например:

польск.: *Sztuka rzucania nożów straszna w ręcznej bitwie*²⁸
рус.: *Метание ножей опасно в каждой драке*²⁹
бел.: *Мастацтва кідання нажоў, страшное ў звадзе*³⁰

В качестве перевода польского существительного *bitwa* (досл. рус. *бой, сражение*; бел. *бітва, бой*) на русский и белорусский языки выступают разговорные лексемы: рус. *драка*, бел. *звада*.

При анализе случаев использования в текстах переводов стилистических синонимов была выявлена следующая закономерность: в русском переводе гораздо чаще резкость выражений, использованных А. Мицкевичем, смягчается за счёт замены сниженной польской лексики на русскую положительно окрашенную, а нейтральной – на книжную (польск. *nieszczęście* (досл. *несчастье, беда*) – рус. *бедствие*; польск. *odprawa* (досл. *подачка собаке после охоты*) – рус. *награда*; польск. *powińszowania* (досл. *поздравления*) – рус. *виваты*, польск. *Moskal* – рус. *русский*). Таким образом реализуется установка на собственную художественную значимость переводных текстов, однако национально-культурный колорит и особенности авторского стиля не отражаются в переводе. В белорусском же тексте сниженная, просторечная лексика гораздо чаще представлена существительными с тождественной эмоционально-экспрессивной окраской. Например, разговорному польскому существительному *bijatyka*,

---

²⁷ Там же, с. 420.

²⁸ Там же, с. 141.

²⁹ Там же, с. 700.

³⁰ Там же, с. 422.

(досл. рус. *драка, потасовка*, бел. *бойка*) в русском тексте соответствует лексема *оружье*, в белорусском – существительное *сутычкі*. Белорусский перевод, на наш взгляд, является более адекватным, поскольку отражает не только общий смысл, но и стилистику польской фразы:

польск.:	<i>Во bijatykę lubił niezmiernie za młodu I był nieprzyjacielem moskiewskiego rodu</i> ³¹
рус.:	<i>Недаром смолоду любил Матвей оружье И недолюбливал он москалей к тому же</i> ³²
бел.:	<i>Бо ён любіў сутычкі ў маладыя годы І з маскалём счачіцца ждаў адно нагоды</i> ³³

Данная закономерность объясняется не только субъективными причинами (вниманием белорусского переводчика к интерпретации сниженной польской лексики), но и объективными особенностями белорусской лексической системы, впитавшей в себя народно-разговорные и диалектные элементы, что позволяет переводчику подобрать полноценный в стилистическом плане эквивалент польского слова.

В тексте перевода поэмы на белорусский язык более часты также случаи использования сниженной белорусской лексики вместо книжной и нейтральной польской, в то время как русский переводчик на их месте использует слова с эмоционально-экспрессивной окраской, тождественной польским лексемам (напр., польск. *zawiłość* (досл. рус. *сложность*, бел. *складанасць*) – рус. *уловка*, бел. *мухляванне*). Так, в следующем примере нейтральная польская лексема заменяется белорусской разговорной:

польск.:	<i>Idąc kłaniał się damom, starcom i młodzieży</i> ³⁴
рус.:	<i>Шагает, кланяясь и дамам и мужчинам</i> ³⁵
бел.:	<i>Ён дамам кланяўся, старым і малалеткам</i> ³⁶

³¹ Там же, с. 160.

³² Там же, с. 720.

³³ Там же, с. 441.

³⁴ Там же, с. 33.

³⁵ Там же, с. 593.

³⁶ Там же, с. 315.

Польское существительное *młodzież* в обоих переводах представлено контекстуальными синонимами: в русском тексте – нейтральной лексемой *мужчины*, в белорусском – разговорным существительным *малалеткі*.

В целом же в переводных текстах сниженная лексика, обладающая отрицательной экспрессией и обогащённая различными эмоционально-экспрессивными оценками, а также культурными и историческими коннотациями, представлена беднее, чем в оригинале. Подобные замены в значительной степени способствуют смещению авторских смысловых акцентов, что, в свою очередь, ведёт к искажению индивидуально-стилевой информации, заложенной в исходном тексте.

Представленный выше материал обнаруживает значительные количественные расхождения между типами синонимических трансформаций польских производных имён существительных в русском и белорусском текстах-переводах. Наиболее многочисленной является группа контекстуальных синонимов, что объясняется необходимостью сохранения рифмы и ритма при переводе, субъективным выбором переводчика, а также семантическими различиями сопоставляемых языков (наличием в польском тексте безэквивалентной, фоновой лексики). При этом следует отметить, что в тексте перевода поэмы на белорусский язык нами зафиксировано на 67 контекстуальных синонимов больше, поскольку в русском тексте предпочтение отдаётся пропуску труднопереводимых лексем, а в белорусском – подбору контекстуального синонима. Наличие же стилистических синонимов свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточном внимании переводчиков к семантической структуре переводимого текста, его коннотативным характеристикам и культурному фону, так как понижение или повышение стилистического статуса лексем оригинала неизбежно приводит к утрате авторского замысла и снижению степени адекватности перевода.

2. Гипо-гиперонимический перевод

Польские производные имена существительные могут быть связаны с русскими и белорусскими переводческими коррелятами посредством импликации, являющейся одним из универсальных видов парадигматических отношений между

словами всех языков. Генерализация и конкретизация представляют собой такой вид лексико-семантических переводческих трансформаций, при котором лексические единицы оригинала переводятся путём использования лексем, «значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определённого типа логических преобразований»³⁷.

2.1. Гипонимы

Русские и белорусские лексемы могут являться по отношению к польским производным именам существительным гипонимами, в этом случае в тексте-переводе наблюдается явление конкретизации. Конкретизация представляет собой такую трансформационную операцию, в ходе которой переводчик заменяет понятие с более широким объёмом на понятие с более ограниченным объёмом, но более конкретным содержанием. В ряде случаев использование конкретизации при переводе связано с отсутствием в переводящем языке однословного коррелята для польского производного имени существительного, что объясняется сигнификативными причинами – «различным понятийным членением действительности народами, имеющими разные культуры»³⁸. Однако использование в переводе словарного эквивалента в виде аналитической структуры не всегда возможно из-за угрозы нарушения ритма и рифмы. Например:

польск.:	<i>Z tyłu damy w pojazdach, młodzieńcy stronami, Czwałując tuż przy kołach, gadali z damami</i> ³⁹
рус.:	<i>Коляски позади, а сбоку кавалькадой Гарцует молодёжь – покрасоваться рада</i> ⁴⁰

³⁷ Б. Конопелько, *Русско-польские лексико-семантические отношения: на материале семантического поля со значением родства и отношений*, Вроцлав 1980, с. 173.

³⁸ И. Лапицкая, *Безэквивалентная лексика польского языка в сопоставлении с русским* [в кн.:] Л.М. Вардамацкі (ред), *Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія*, Витебск, с. 33.

³⁹ А. Міцкевіч, *указ. соч.*, с. 52.

⁴⁰ *Там же*, с. 612.

бел.: *На брычках дамы ехалі ў канцы калоны,
А побач – моладзі натоўп вясёлы конны*⁴¹

Существительное *pojazd* имеет широкое значение: ‘любое транспортное средство, предназначенное для передвижения на колёсах, гусеницах или полозьях по рельсам или непосредственно по дороге, грунту’. Оба переводчика отказываются от использования словарного эквивалента в виде словосочетания (рус. *средство передвижения*, бел. *транспартны сродак*) и заменяют польское существительное *pojazd* гипонимами: рус. *коляска* и бел. *брычка*.

2.2. Гиперонимы

В тех случаях, когда русские и белорусские существительные являются по отношению к польским лексемам гиперонимами и выражают более широкое понятие, речь идёт о генерализации. Генерализация представляет собой трансформационную операцию, в ходе которой переводчик заменяет понятие с более ограниченным объёмом и более сложным содержанием понятием с более широким объёмом, но менее конкретным содержанием. Например:

польск.: *A pan Maciek Dobrodziej lubi stary lipiec*⁴²
рус.: *...А Матеку в угоду,
Что любит старый мёд, поставлю вволю мёду*⁴³
бел.: *І мёд стары, які пан Мацек любіць*⁴⁴

Польское существительное *lipiec* обозначает конкретный вид мёда – липовый, но поскольку в языках переводов нет однословного соответствия для оригинальной лексемы, в качестве переводческого коррелята в обоих текстах используется слово с более широким значением.

Причиной перевода некоторых польских лексем на русский и белорусский языки с помощью более общих понятий является наличие национально-культурного компонента

---

⁴¹ Там же, с. 334.

⁴² Там же, с. 393.

⁴³ Там же, с. 732.

⁴⁴ Там же, с. 453.

в структуре польских производных имён существительных, многие из которых относятся к безэквивалентной лексике. При отсутствии наименования необходимой реалии в языке перевода польские производные существительные заменяются словами с более широкой семантикой, которые обозначают родовое понятие. Национальный характер исходной реалии при этом может полностью стираться. Например:

- польск.: *Mógł trafić do rzuconej w powietrze złotówki*⁴⁵
 рус.: *Он метким был стрелком и на лету монету*
*Мог надвое рассечь на удивленье свету*⁴⁶
 бел.: *Ў манету ўскінутую ўверх, трапляў, бывала*⁴⁷

Польская лексема *złotówka* представляет собой разговорный вариант существительного *złoty*, обозначающего польскую денежную единицу. Однако в переводных текстах данному слову соответствует гипероним (рус. *монета*, бел. *манета*). Подобная трансформация, вероятно, осуществляется переводчиками с тем, чтобы не перегружать текст экзотизмами, ведь в процитированном контексте релевантным является значение размера, а не принадлежность монеты денежной системе определённой страны.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что в обоих переводах приём генерализации встречается реже, чем приём конкретизации. Количество гиперонимов в переводных текстах уступает количеству гипонимов, так как переводчик поэтического текста всегда ограничен определённой предметной областью и не может часто прибегать к обобщению. В случае же конкретизации допускается некоторая свобода при выборе переводческого коррелята: переводчик имеет возможность использовать более разнообразный в количественном отношении ряд лексических средств, обозначающих часть от целого или имеющих более узкое значение по отношению к польскому родовому слову.

⁴⁵ Там же, с. 215.

⁴⁶ Там же, с. 773.

⁴⁷ Там же, с. 495.

3. Омонимический перевод

Межъязыковые омонимы, выступающие в русском и белорусском текстах в качестве перевода польских производных имён существительных, представляют собой слова, тождественные оригинальным лексемам по звуковой и/или графической форме, но не тождественные им по значению. Подобные случаи традиционно классифицируются как переводческие ошибки, поскольку отсутствие одинакового дифференциального семантического признака не позволяет найти общие для лексем контексты. Тождество наблюдается лишь в плане выражения, в то время как в плане содержания исходное слово и перевод полностью не соответствуют друг другу, что неизбежно приводит к искажению оригинального образа и неадекватному восприятию русскоязычным или белорусскоязычным читателем смысла авторского высказывания. По замечанию К.Ч. Кусалья, межъязыковые омонимы особенно широко распространены в парах генетически родственных языков, поскольку «обычно в этимологически тождественных словах близкородственных языков развивается неодинаковое количество значений, так как слова, возникающие из одного источника, но в разных родственных языках, часто сохраняют общие контуры смыслового движения во всех или многих из этих языков. При этом семантические изменения одного и того же слова в разных языках могут быть неравномерными – отсюда различия не только в значениях, но и в оттенках значения»¹.

Следует отметить, что количество межъязыковых омонимов в белорусском тексте-переводе превышает число подобных переводческих коррелятов в русском варианте поэмы (напр., польск. *rozruch* – бел. *разруха*; польск. *rękawiczki* – бел. *рукавічкі*; польск. *rosół* – бел. *расол* и др.). Так, при переводе текста поэмы на белорусский язык в качестве переводческого коррелята польского производного существительного *rosół* используется существительное *расол*. В тексте-оригинале существительное *rosół* используется в значении 'отвар из костей

---

¹ К.Ч. Кусаль, *Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия*, Санкт-Петербург 2006, с. 15.

и мяса с добавлением овощей, иногда с вкусовыми приправами, употребляемый в качестве супа', белорусская же лексема *расол* имеет значение 'вадкасць, насычаная сокамі засоленых у ёй прадуктаў'. В русском тексте в качестве переводческого коррелята используется гипероним *кушанье*:

польск.:	<i>...to ziarno, godne pańskich stołów, Robi się dla zaprawy litewskich rosółów</i> ²
рус.:	<i>...Ячменную крупу, служившую заправой Литовских кушаний</i> ³
бел.:	<i>...прызначаных для хатняй стравы І ў некаторыя расолы для прыправы</i> ⁴

В русском тексте неточность допущена в отношении польской лексемы *słonina* (досл. рус. *свиное сало*), в качестве переводческого коррелята которой используется лексема *солонина*. Однако существительное *słonina* в польском языке обозначает 'свиной жир, используемый как продукт питания', в то время как русская лексема *солонина* имеет значение 'засоленное впрок мясо (преимущественно говядина)'. В белорусском тексте используется словарный эквивалент *сала*:

польск.:	<i>Jak lis bywalec, gdy go woń słoniny wabi...</i> ⁵
рус.:	<i>...так лиса на запах солонины Идёт...</i> ⁶
бел.:	<i>І, быццам знюхаўшы здалёку сала, ліска Бяжыць...</i> ⁷

4. Транслитерация

Посредством транслитерации как в русском, так и в белорусском текстах переводятся польские производные существительные, образованные путём присоединения эмоционально-оценочного аффикса, не имеющего тождественных по форме и значению аналогов в языках переводов. Так, поль-

² А. Міцкевіч, указ. соч., с. 123

³ Там же, с. 683.

⁴ Там же, с. 405.

⁵ Там же, с. 153.

⁶ Там же, с. 713.

⁷ Там же, с. 434.

ское существительное *księżyna* образовано при помощи суффикса *-yn(a)* от лексемы *ksiądz*. В русском и белорусском языках образование тождественного по смыслу и структуре коррелята невозможно, поскольку основа существительного *ксьєндз* не допускает прибавления суффикса *-ин(a)* (*-ын(a)*). Поэтому переводные лексемы (рус. *ксенжина*, бел. *ксянжына*) расцениваются нами как транслитерированные формы с элементами транскрипции:

- польск.: *Jeśli od niego wyszła ta cała nowina,
To kto wie, w jakim celu: bo to bies księżyna*⁸
- рус.: *С какою целью врал, мне это все едино,
Но доверять ему не надо, бес – ксенжина*⁹
- бел.: *Калі ж вось гэта ад яго прыйшла навіна,
Дак што ў яго за мэта? Бес ён – не ксянжына*¹⁰

Транслитерированные формы используются и при передаче в переводных текстах некоторых имён собственных (напр., польск. *Moranki* – рус. *Моранку*, бел. *Мапанку*; польск. *Protazeńki* – рус. *Пратазенька*, бел. *Праказанька*).

Большая часть польских производных существительных, переводимых на русский язык путём транслитерации, представляет собой слова, не имеющие однословных коррелятов в русском языке. Словосочетания же не всегда могут быть использованы в качестве переводческих коррелятов, поскольку не вписываются в ритмическую структуру стихотворной строки. Так, польское существительное *polszczyzna* переводится на русский язык следующим образом: *уст.* все польское (культура, обычаи и т.п.). Вместо данного словарного эквивалента, представляющего собой объяснительный перевод, в русском тексте поэмы используется транслитерированная форма *польщизна*. В белорусском тексте польскому слову соответствует существительное *польскасць*:

- польск.: *Wpadam do Soplicowa jak w centrum polszczyzny:
Tam się człowiek napije, nadyszy Ojczyzny!*¹¹

⁸ Там же, с. 165.

⁹ Там же, с. 724.

¹⁰ Там же, с. 446.

¹¹ Там же, с. 171.

- рус.: *Я в Соплицово шёл натешиться **польщизной**,
Там надышатся мог, упиться мог отчизной*¹²
- бел.: *Заходжу ў Саплицова **польскасцю** абмыцца,
Бо там сапраўды нашых звычайў сталіца*¹³

В белорусском тексте, в отличие от русского, транслитерации подвергаются не только польские лексемы, называющие предметы и явления, характерные для польской культуры и отсутствующие в материальном быте белорусского народа (*dębniak, wyloty, Waszmość* и др.), но и такие имена существительные, которые имеют однословные соответствия в белорусском языке (*specyjały, szarak, groźba, delikacik, psiar-nia, straszyno, Rębajło* и др.). Например:

- польск.: *Ale Gerwazy **groźbą** wcale się nie strwożył,
Prawą rękę poważnie na zegar położył*¹⁴
- рус.: *Гервазий, услышав в его словах **угрозу**,
Лишь подбоченился, приняв лихую позу*¹⁵
- бел.: *Гервазы, не ўстрашаны **гразьбой** такою,
Анёрся на гадзіннік праваю рукою*¹⁶

Польское производное существительное *groźba* имеет словарные эквиваленты как в русском, так и в белорусском языках (рус. *угроза*, бел. *пагроза*). Однако белорусский переводчик делает выбор в пользу полонизма *гразьба*, в то время как в русском тексте используется словарный эквивалент *угроза*. Вероятно, столь активное использование белорусским переводчиком полонизмов свидетельствует о стремлении к сохранению национального духа поэмы, поскольку, номинативная единица, созданная путём транслитерации, является наиболее национально окрашенной, так как отражает национальную культуру и содержанием, и формой.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что лексико-семантические трансформации польских производных имён существительных в переводных текстах могут

¹² Там же, с. 730.

¹³ Там же, с. 452.

¹⁴ Там же, с. 137.

¹⁵ Там же, с. 747.

¹⁶ Там же, с. 419.

быть обусловлены следующими внутрилингвистическими факторами:

- асимметрия лексико-семантических систем языка оригинала и языков переводов (гипонимы и гиперонимы);
- безэквивалентность польских лексем по отношению к языкам переводов (контекстуальные синонимы);
- различие культурных ассоциаций, которые вызывает одно и то же слово у носителей сопоставляемых языков (стилистические синонимы);
- непрозрачность лексического значения использованных автором в тексте поэмы регионализмов белорусского происхождения (контекстуальные синонимы).

К экстралингвистическим факторам использования лексико-семантических трансформов относятся следующие:

- творческая природа процесса перевода (межъязыковые синонимы, транслитерированные формы);
- недостаточное внимание переводчиков к стилистической принадлежности оригинального слова (стилистические синонимы);
- необходимость сохранить интонационную, композиционную и ритмическую организацию поэтической речи при переводе (синонимы, гипонимы и гиперонимы, транслитерированные формы);
- недостаточное внимание переводчиков к различиям в значении слов, имеющих в языке оригинала и перевода тождественную форму (межъязыковые омонимы).

Таким образом, в большинстве случаев лексико-семантические преобразования классифицируются не как ошибочная трансформация значения слова оригинала, а как необходимое условие достижения переводческой эквивалентности, а также адекватности переводного текста законам принимающего языка. Знание интралингвистических и экстралингвистических факторов, приводящих к лексико-семантическим трансформациям, позволит избежать переводческих ошибок и искажения авторского замысла. Практическая значимость исследования заключается в возможности использо-

вания его результатов переводчиками с целью оптимизации процесса интерпретации художественного текста на близкородственные языки.

Leksyko-semantyczne transformacje rzeczowników w tłumaczeniu tekstów literackich z języka polskiego na rosyjski i białoruski

Artykuł przedstawia analizę transformacji leksykalno-semantycznych, które powstają podczas przekładu rzeczowników pochodnych z poematu A. Mickiewicza „Pan Tadeusz”.

Słowa kluczowe: rzeczownik pochodny, korelat tłumaczeniowy, transformacje leksykalno-semantyczne.

Lexical and semantical transformations of the nouns in the process of translation from Polish to Russian and Belarusian

The lexical-semantic transformations of derivative nouns from the poem “Pan Tadeusz” by Adam Mickiewicz are analyzed in the article.

Key words: derivative noun, translation’s correlate, lexical-semantic transformations.

Анастасия Русских – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Военной академии Республики Беларусь. Область научных интересов: контрастная лингвистика.